

III ДУМА - НЕДОСТАТОЧНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ

На первый взгляд, III Дума - самая благополучная из всех четырех Дум: если первые две скоростно "скончались" по указу царя, а IV - прекратила свою работу, по сути "именем революции", то III Дума действовала "от звонка до звонка", - все положенные ей по закону 5 лет и сподобилась вызвать у многих ее современников не только критические перуны в свой адрес, но и слова одобрения. И все-таки и эту Думу судьба не баловала: мирное эволюционное развитие страны было не менее проблематичным в конце ее деятельности, чем в начале. Но трагизм этого в полной мере обнаружился лишь спустя несколько лет после завершения ее работы: только тогда то небольшое, в пору III Думы, "облачко" обратилось в революционную грозу "семнадцатого года".

После "пароксизма 1905 года" "верхи" мобилизовали все средства для предотвращения рецидива революции. III Думу Столыпин рассматривал как важный инструмент успокоения и реформирования страны. Собственно, с этой целью и был

изменен избирательный закон. Непосредственный "разработчик", творец "Положения" 3 июня С.Е.Крыжановский считал, что власти заранее могли "предопределить число представителей от каждого класса населения, установив таким образом состав Думы в соответствии с видами правительственной власти" (37, с.426).

По этому "Положению" в губернских избирательных собраниях вначале выбирались обязательные депутаты: в 53 губерниях по депутату от крестьян, в 49 губерниях по депутату от землевладельцев, в 25 губерниях по депутату от первого или второго разряда городских избирателей, в 26 губерниях по депутату от первого и второго разрядов городских избирателей, в 3 губерниях по одному депутату от казачьих станиц и в 6 губерниях по депутату от рабочих. По стране всех обязательных депутатов было 188. После их выборов каждое губернское избирательное собрание выбирало остальное положенное для губерний число депутатов, теперь уже вне связи с той или иной курией. Но исход выборов зависел от состава выборщиков от помещиков, т.к. землевладельческая курия получила более половины (51%) общего числа выборщиков Европейской России. Причем из землевладельческой курии теперь были устранены крестьяне-собственники, если они входили в состав сельских и волостных обществ. Крестьяне были лишены права самостоятельных выборов, а обязательный депутат от них выбирался не одними крестьянскими выборщиками, а всем составом губернского избирательного собрания. По новому закону городская курия, ранее единая, была разделена на два разряда, каждый из которых избирал положенное число выборщиков из своей среды. Хотя "перворазрядных" избирателей было во много раз меньше, чем "второразрядных", они получили 15% всего числа выборщиков, а второй разряд, включавший менее состоятельных людей и интеллигенцию, - только 11%.

По новому закону из 26 городов (36 мест), имевших раньше отдельное представительство, это право сохранилось за 7 городами (19 мест), из которых в пяти вводились прямые выборы.

"Усеченными" оказались теперь и права рабочих: число выборщиков от них сократилось с 268 до 113. В городах, сохранивших право самостоятельного представительства, не было

рабочих курий, отдельных от губернских. Здесь рабочие участвовали в выборах лишь тогда, когда имели квартирный ценз. В целом, один выборщик приходился: в землевладельческой курии - на 230 душ населения, в первом разряде городской курии - на 1000, во втором разряде городской курии - на 15 тысяч, в крестьянской курии - на 60 тысяч, в рабочей курии - 125 тыс. душ населения.

Государственная дума теперь насчитывала 442 депутата, в то время как раньше 524. Уменьшение было вызвано главным образом тем, что сократилось представительство от национальных окраин.

Кроме того, закон 3 июня давал министру внутренних дел право изменять границы избирательных округов и делить избирательные собрания на всех стадиях выборов на отделения, получившие право самостоятельного избрания выборщиков по самым произвольным признакам: территориальному, имущественному, классовому, национальному. Это давало возможность правительству проводить в Думу угодных ему депутатов.

В III Думу было избрано: правых - 144, октябристов - 148, прогрессистов - 28, кадетов - 54, националистов - 26, трудовиков - 16, социал-демократов - 19. Председателями III Думы октябристы: Н.А.Хомяков (1907), А.И.Гучков (1910), М.В.Родзянко (1911).

В историографии, по крайней мере отечественной, этой Думе явно не повезло: она оставила в литературе несоответствующий, неадекватный ее значению, ее деятельности, след. Лейтмотив историографии - безысходность, тупиковость положения Думы, ее бессилие и неспособность решить актуальнейшие проблемы страны, перевести Россию с революционного на реформистский путь (1,2,27,63,64). Историография возникла не на пустом месте. О "гниении Думы на корню" говорили столь разные деятели, как В.М.Пуришкевич и П.Н.Милюков. О несправедливости реформаторского пути не уставал твердить В.И.Ленин. Первые два вкладывали в слова о "гниении Думы" разный политический смысл. Пуришкевич был правый, который хотя и признавал Думу, но как законосовещательный орган.

Законодательная Дума претила ему и его сторонникам, вызывала их острое недовольство уже тем, что "урезала" священные права монарха. Милюков и его коллеги усматривали это гниение прежде всего в "пробуксовке" думских законопроектов. Ленин, большевики вписывали III Думу в общеполитический и социально-экономический контекст, чреватый, по их представлениям, новой революцией, делавший тщетными все реформистские усилия Думы. Так называемый "новый революционный подъем", казалось, подтверждал эту точку зрения. Левые встретили его с энтузиазмом, либералы - с опасением и тревогой, правые, как им и полагалось, проклятиями.

Но завязывался ли еще крепче драматический "узел" в истории России из-за того, что задача "умиротворения" страны не была еще решена, - сдвинулся ли "воз" с места только для того, чтобы потом пойти под уклон? Не следует преувеличивать: ситуация не была фатально непреодолимой. И сама III Дума внесла определенный вклад в это грядущее преодоление "полнометражностью" своего существования, и главное - своей деятельностью и прежде всего утверждением важнейшей реформы - аграрной, "фундамента" будущей России. В III Государственной думе были заложены основы бурного экономического развития страны, сказавшегося уже перед первой мировой войной. В определенной мере "новый революционный подъем" свидетельствовал не о невозможности реформ, как то гласит тезис, общепринятый в нашей недавней историографии, а напротив, - о противоречивом, сложном процессе происходивших преобразований, стимулировавших и "старые дрожжи", "пережитки" первой российской революции. Но факт революционного и оппозиционного "брожения" - "звонок" о политическом "перегреве" российского общества и его "взрывоопасности" в экстремальных условиях (например, в случае "большой войны"). Этот "перегрев" был ранним симптомом, предостережением о возможности катастрофы, что проявилось в несоответствии настроения многих слоев населения страны тому, что ей действительно было нужно. Но самым "перегрев" был следствием "запущенности" дела реформ в России. Александр III и Николай II упустили время для

безболезненного преобразования страны. Наступил политический цейтнот. В этом цейтноте действовали и С.Ю.Витте и затем П.А.Столыпин. Отнюдь не идеализируя Столыпина (как личность и как государственного деятеля) - это важно отметить, т.к. если раньше в историографии он чаще всего аттестовывался как "реакционер" ("обер-вешатель", "приказчик", "рупор" объединенного дворянства"), то теперь нередко ему воскуряют фимиам, поют дифирамбы его политике, следует сказать: столыпинское реформирование России давало ей шанс, хотя и зыбкий, стать Великой без "великих потрясений". В этой связи опять приходится обращаться к нашей исторической литературе о III Думе и Столыпине, с порога отвергавшей такую возможность. В этой историографии, например, высказывается безапелляционное мнение о том, что "столыпинский девиз": "Сперва успокоение, потом реформы" - на практике выглядит так: "Всегда успокоение, никогда реформы" (63, с.214). "На практике" это мнение далеко от действительности. И не только потому, что это - логический нонсенс, ибо равносильно утверждению, что он не хотел предотвратить новую революцию. Столыпин, по сути, сам отказался от военно-полевых судов, строго указывал своим подчиненным на необходимость неукоснительно следовать закону, даже при терактах, - и это при том, что на него самого было совершено 11 покушений, - он был далек от всякой мстительности. Реакция же его на "революционные эксцессы" была реагированием государственной власти, которую он представлял, на опасность полного погружения страны в хаос и анархию. Пресловутая столыпинская реакция это даже меньше, чем "детский лепет" в сравнении со сталинскими репрессиями. И не только в сравнении. В России манифестом 17 октября были заложены основы гражданского общества. И они трудно, но развивались. Существовало не "организованное" общественное мнение. Шла открытая полемика о путях развития страны, борьба политических партий и т.д., осуществлялись аграрные преобразования. Все это говорит о том, что "успокоение" Столыпину нужно было не само по себе, а во имя переустройства страны, для того, чтобы не было необходимости впоследствии вновь прибегать к "успокоению", т.е. на первом плане у него стояли реформы. Петр Аркадьевич

опасался, что без него государство "забредет в болото": одну ногу вытянет, завязнет другая. Он мечтал о 20, 15, 10 годах "покоя", необходимого, по его мнению, для появления новой, "Великой России" (40). В сущности, "покой" - это своего рода "строительные леса", со снятием которых Россия предстала бы перед миром преобразенной во всех отношениях. Неудивительно, что теперь, после почти 100-летних революционных судорог и поистине "тектонических" процессов, которым нет еще конца и края, многими современниками овладевает, порой, ностальгия по тому времени, сожаление о том, что столыпинский путь не был пройден страной до конца.

Вопрос о том, почему этого не произошло, породил Монблан литературы, и историки продолжают дискутировать, выяснять это. Наиболее типичные объяснения: существовала общая революционная ситуация; Столыпин пытался проводить реформы без демократии (иногда один и тот же автор указывает обе эти, в сущности, взаимоисключающие причины); противодействие Столыпину "справа", особенно со стороны Госсовета; первая мировая война, вызвавшая революцию, которая похоронила столыпинские начинания (1, 2, 27, 50, 53 и др.).

Наиболее реальным мне представляется последний из этих "резонов", но с определенными оговорками. Участие России в войне, вследствие сложившихся условий, расстановки политических сил внутри страны и на международной арене было, вероятно, неизбежным. Таков историографический фон судьбы столыпинских реформ, утвержденных III Государственной думой.

В самом же начале первой сессии III Думы Столыпину пришлось потратить немало сил, чтобы "настроить" Думу на рабочий лад. "Третья Государственная дума была созвана по его закону, в ее судьбе он был заинтересован, он понимал, что ее крушение есть начало ликвидации Манифеста 17 октября и нового строя". Он немедленно вмешался, когда необходимо было избрать октябристского председателя Думы, "надавив" на правых (60, с.30). Хомяков прошел в председатели Думы. Исход голосований в III Думе зависел от октябристского маятника", качанием которого определялось правое (292 голоса) или либеральное большинство (256 голосов). Как писал один из

лидеров фракции октябристов в III Думе Н.В.Савич, "мы занимали центральное положение, что давало возможность выбирать союзников на обоих флангах" (55, с.30). Милюков признавал в своих мемуарах, что кадеты, порой, голосовали вместе с октябристами (33, т.2, с.70). Вообще вождь кадетов был в III Думе весьма покладистым в отношении правительства и однажды (в 1909 г.) даже назвал свою фракцию "оппозицией его Величества".

Уже в первые дни работы Думы "правые" поняли, что от решения судеб русского народного представительства они отстранены, что дирижерская палочка не в их руках. Они решили сосчитаться при первой возможности. Таким удобным случаем явились прения по ответному адресу и формуле перехода по декларации правительства" (55,с.31)

Сыр-бор разгорелся по вопросу о том, какой строй существует в России. Правые настаивали на включение в ответный адрес и формулу перехода "самодержавное правление", октябристы - "конституционное правление", а левые вообще были против ответного адреса и формулы перехода. Столыпин в декларации выразился осторожнее: "строй представительный" (40, с.103).

В итоге Дума не могла принять какую-либо мотивированную формулу перехода к очередным делам "получился форменный конфуз, первый акт Государственной думы вышел комом" (55,с.32-33). Впоследствии и Милюков, обобщая деятельность III Думы, напишет, что в ней продолжалась внутренняя борьба между сторонниками старого и нового строя", "страна к ней прислушивалась, делала свои выводы, объединялась идейно, но не реально, около ее лозунгов" (33, т.2, с. 133-134). Вопрос о самодержавии и конституции, о возможности или невозможности их сочетать "остался и в III Думе, как вспоминал митрополит Евлогий (бывший член этой Думы), неразрешенным; для одних манифест 17 октября покончил с самодержавием и открыл эру конституционно-монархического строя; для других "17 октября" ничего не меняло; для третьих надо было стремиться ликвидировать "17 октября", эту ошибку революционных дней (21,с.176).

Столыпин, по словам Милюкова, нередко шел на уступки правым. Но при всем том, как авторитетно сообщает Н.В.Савич, Столыпин сразу после "неувязки" с формулой перехода усилил свою работу в смысле организации прочного большинства, благодаря своему громадному престижу и влиянию среди депутатов", ускорил процесс распада фракции правых, переход от нее к умеренным рядам депутатов. Постепенно образовалось небольшое, но прочное большинство - блок октябристов с умеренными, которые приняли название националистов. Здесь Столыпин "показал себя и другом народного представительства, и человеком, понимавшим сущность работы законодательного учреждения. С этого момента работа нового законодательного аппарата пошла гладко. Но с этого же момента началась неумолимая травля Столыпина правыми кругами, понявшим, что в его лице они имеют непримиримого врага в деле дискредитирования и ликвидации принципа народного представительства. Он встал на путь конституционного правления и потому являлся врагом, в борьбе с коим все средства были хороши" (55,с.33).

В историографии существует хорошо обоснованная точка зрения, что в падении Столыпина правые сыграли главную роль. Но это время наступило еще не скоро, и Столыпин во всю развернулся в III Думе на почве законодательной деятельности. В.Н.Коковцов подчеркивал, что Столыпин побуждал министров быть активными в предоставлении законопроектов в Думу, чтобы обеспечить ее работой. И, действительно, у III Думы всегда было в работе помимо собственных проектов, множество министерских заготовок. Многие из них были обсуждены и приняты Думой, в том числе серия аграрных законопроектов, открывавших все шлюзы аграрной реформе (Указ 9 ноября 1906 года, законы 14 июня 1910 г., 29 мая 1911 г. и др.).

В советской историографии почти общим местом была в целом отрицательная оценка этой реформы как "прусского" пути аграрной эволюции, как попытки помешать более радикальному и в интересах массы крестьян революционному "американскому пути" развития сельского хозяйства. Но почти 100-летняя практика показала, что в условиях России и короткий, незавершенный "прусский путь" был все же

рациональнее: росла товарность сельскохозяйственного производства, улучшалось благосостояние крестьянства. И в правовом отношении, хотя оно и было стесненным, дореволюционный крестьянин мог дать немало очков вперед советскому колхознику формации 20-50-х годов, испытавшему и "ликвидацию кулачества как класса", и "второе издание" крепостничества в виде бесправия сельскохозяйственных артелей", во многом тех же общин, только еще более регламентируемых государством и в которых их члены нередко трудились "за палочку" - пустой трудодень. Многострадальное советское крестьянство и самая деревенская Россия была бездарно и беспощадно "распылены", а в наше время, страна, по сути, впала (это с ее-то богатейшими природными ресурсами!), в самую страшную зависимость извне, - в продуктовую. Такого и в самом жутком, кошмарном сне не могло и привидиться не только Столыпину и его присным, но и "простым смертным" в России: как бы ни были велики издержки столыпинской аграрной реформы, она содействовала мирному прогрессу в России, подъему ее хозяйства. Многие исследователи, наблюдая начало этого подъема, предсказывали России "большое плавание". Берлинский профессор Зеринг, например, был просто поражен успехами этой реформы, "залога величайшего будущего России" (22,с.12). Так называемый "аграрный бонапартизм" Столыпина (лавирование правительства между зажиточными крестьянами и помещикам» и интересах последних), который ему пост-фактум ставили "как лыко в строку" наши историки, в действительности был благодетелем и для помещиков, и для крестьян. По крайней мере, первые сохраняли свои драгоценные жизни и в какой-то степени часть своих имений (их земли мирно и в быстром темпе переходили в руки сельчан), а вторые и вовсе находились в выигрыше: их значение и роль в стране возрастали и в "экономическом, и политическом отношении, если даже брать ближайшую перспективу. Иначе говоря, "аграрный бонапартизм" Столыпина и конечном счете был выгоден для всей страны. Его "благословила" III Дума, которая и сама в нашей недавней литературе изображалась как "блок контрреволюционных сил и крупной буржуазии», как проявление "думского

бонапартизма", - лавирования царского правительства между ними.

Но какой бы "бесстыже-господской" не выглядела III Дума, как бы левые партии не клеймили ее за курс "в интересах господствующих классов", этот курс объективно, в случае его продолжения ее преемниками, давал возможность России, без серьезных последствий для ее организма, родить-таки законное дитя - современный капитализм, а не корчиться почти все XX столетие "в схватках" преждевременной беременности "светлым будущим", тем более, что вместо такого будущего теперь появилось на свет нечто "сиамское", - царско-советское, причем далеко не лучшее из того, что было, да еще с сильным криминальным "ароматом".

Еще к этому вопросу: историки, которые отрицают нацеленность Столыпина на реформы, сводя всю его политику к "успокоению", и в то же время подчеркивают думский и "аграрный бонапартизм" правительства, противоречат себе уже потому, что этот бонапартизм был имманентно реформаторским. Их утверждения о "бессилии" III Думы представляются мне преувеличенно-экзальтированными. В действительности она приняла помимо аграрных, целый "букет" других законопроектов о бюджете, местном суде, самоуправлении, рабочем законодательстве, народном образовании (вопросам его особенно посчастливилось в Думе) и ряд иных. Правда, многие из них застряли потом в Государственном совете, справедливо нареченном современниками "кладбищем" законопроектов. И тем не менее Россия (хотя и далекая от благостно-говорухинского или солженицинского обличья) перед первой мировой войной сделала заметный рывок в своем социально-экономическом развитии (56). Александру Блоку, чутко улавливавшему характер изменений в стране, грезилась уже "Русская Америка". "Новый революционный подъем" ей не был страшен - эту "высоту" Россия могла бы взять. П.Н.Милюков, например, отражая господствующее мнение в ЦК своей партии, и в 1914 году не изверился сше в возможность мирного обновления России и не думал, что нереальность мирного исхода сделалась "жизненным, кровным убеждением массы" (52). В печати того времени, если не брать сугубо левую, революционно-оппозиционную оживленно

в стране вовсе не рассматривалось как своего рода ступень к неизбежной революции. Скорее, лишь как водоворот, завихрение в общем течении государственных дел. Как впоследствии писал один из депутатов Думы, "не чуяли мы надвигающейся беды" (21,с.177). "Не чуяли", потому что "чуять" тогда могли только самые "чувствительные", да и настоящая "беда" пришла не так уж скоро - только с войной.

А до того многим казалось, что фарватер будущего пути России прокладывает Дума. Профессор В.И.Герье полагал, что III Дума займет видное место в истории России не только следом, который она оставит в русском законодательстве, но еще больше той великой ролью, которую она сыграла в истории русского государственного строения. Она "будет иметь значение не только тем, что она дала России, но и тем, чем она была для России..., - и важнее еще, чем отдельные проявления ее государственной деятельности - ее общее влияние на переживаемый Россией исторический момент. Третья Дума подорвала укоренившийся в значительной части русской интеллигенции (со времен французской революции) предрассудок, что основа государственного строения должна вытекать из "учредительной власти" народного представительства, а не из почина самостоятельной государственной власти. Она послужила убедительным оправданием манифеста 17 октября 1905 г. и Основных законов Наша III Дума доказала, что лучшее государственное устройство то, которое соответствует историческому развитию народа и наиболее способно удовлетворить потребности его практической жизни ... Третья Дума указала своим преемникам тот путь, идя по которому и они будут в состоянии содействовать развитию законодательства и поднимут дело культурного успеха в России" (10, с.3-4, 19, 20).

Не все в этом панегирике III Думе можно принять, но в оценке "эстафетной палочки" III Думы - с последним прогнозом, ожиданием, весьма симптоматичным уже самим по себе - следует согласиться. В рассуждениях В.И.Герье нет ни грана уныния, чувства обреченности, напротив - здоровый, можно сказать, обыденный оптимизм, - об этом важно упомянуть, хотя бы потому, что Герье отравил не только собственное видение ситуации в стране, но и части своих современников. О том, что

это была немалая часть, можно судить по тому, что даже в рядах социал-демократов появились люди, достаточно трезво, почти "по-Герье", оценивавшие обстановку в России и перспективы ее развития и уничижительно прозванные их "твердокаменными" сопартийцами - "ликвидаторами". Я уже не упоминаю о веховцах, - "присяжных поверенных" постепенности и эволюционизма. Всех их: и веховцев, и других умеренных либералов, и "ликвидаторов", и единомышленников Столыпина при всем том, что они имели, серьезные разногласия, сближало, даже "роднило" то, что они стояли за реформистский путь развития страны, пытались предотвратить революционную ему альтернативу. И в этом смысле они действовали в унисон с III Думой, по крайней мере, с ее либеральным большинством. Собственно, как показывает печальный опыт нашего социалистического эксперимента, России и нужен был такой путь. Другое дело что успех его был сильно затруднен, а первой мировой войной и вовсе блокирован.

Маленькая ремарка: сейчас модно бросать камни в социалистический эксперимент (горе побежденному!), но то, что в его "ткань" вплелись "нити" реальности, что он не был насквозь утопичным и обреченным в конце-концов на поражение, что отразил всегда живущее в человечестве стремление к социальной справедливости и немало, что реализовал на пути к ней, - это также следует иметь ввиду. Вероятно, как и то, что неудача этого эксперимента во многом связана с теми субъективными и объективными обстоятельствами, корни которых уходят в прошлое.

Но то, что и эволюционный путь не был заказан России, свидетельствует даже такой его яростный "идейный" противник, как В.И. Ленин. В 1908 году он поддался минутной слабости и открыто признал и прогрессивность (правда, "относительную") столыпинских реформ, и возможность их успеха (29, т.17, с.30-31). В том, что эта "минутная слабость" была лишь "верхушкой айсберга", глубоко укоренившейся и, вероятно, пугавшей его мысли о революции как мираже (в условиях "эскалации" столыпинского курса), убеждают и позднейшие откровения вождя большевистской партии. В январе 1917 г., всего за полтора месяца до "Февраля", он меланхолически замечал, что "мы,

старики, может быть не доживем" до решающих битв революции (29, т.30, с.328). Незадолго до "октябрьского переворота" он буквально штурмовал ЦК, побуждал его к захвату власти, в накале эмоций восклицая, что история "не простит" промедления, которое "смерти подобно", что "маятник" может надолго, если не навсегда (для тогдашних революционеров), уйти в сторону от "социальной революции" (29, т.34, с.247, 282, 435-436), т.е. Ленин таким образом подтвердил, может быть, сам того не желая, уникальность возможности такого переворота. После "Великого Октября" он писал, что мировая война оказалась "всесильным режиссером", "могучим ускорителем" революции. Это так, если не больше: без "режиссера", не родилось бы, возможно, и самое его творение - социальная революция. Впрочем, и сам Ленин сразу после февральской революции писал: "Этот "первый этап первой (из порождаемых войной) революции" не будет ни последним, ни только русским" (29, т.49, с.399). Война действительно подвергла "искусу" революций многие европейские страны, но наибольший "триумф" этот "режиссер" имел в России, - из-за неукорененности здесь капитализма в общественном сознании, отсутствия "иммунитета" к социальным перверсиям. У Ленина в его теоретическом многопудье есть и более откровенные строчки о связи войны и революции: "Не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов" (29, т.32, с.31). Но ведь тогда это и была бы та "Великая Россия", о которой мечтал Столыпин, - Россия, которой не нужны были "великие потрясения". Поистине, крайности сходятся: как и Ленин, В.А.Маклаков полагал, что не произойди в 1914 г. европейской войны, Россия могла бы продолжать постепенно выздоравливать, без потрясений. Война стала и "матерью", и "повивальной бабкой" революции, содействовала торжеству большевиков.

В историографическом смысле на 111 Думу долго падал сильный отсвет этой революции и победившей идеологии, - поэтому она неизменно рассматривалась в литературе "бессильной", неспособной дать успокоение стране, безнадежно бьющейся в клубке неразрешимых противоречий. Нельзя сказать, что это были совершенно беспочвенные утверждения. Элемент

неудовлетворенности III Думой, нередко приправленный каким-либо "партийным соусом", бытовал в различных слоях населения: самым фактом существования "такой" Думы, ее составом, полномочиями, характером и медленностью реформ, отсутствием успокоения, гарантировавшего от новой революционной вспышки и т.д.

Но подлинный трагизм положения и III Думы, и всей России - в "нестыковке" происходившего социально-экономического и политического развития страны, объективно так необходимого ей, - с широкой амплитудой мнений в обществе, в целом критически воспринимавшего это развитие.

В журнале деловых кругов России "Промышленность и торговля" в 1911 г. отмечалось: "До самого последнего времени интересы промышленности и торговли не обретались у нас в аванже ни в нашем общественном мнении, ни в среде игравших несомненно крупнейшую роль в деле культурного развития страны земских деятелей, ни у властей предрежащих ..." (43.С.241). Капитализм в России, несмотря на свой бурный рост, еще не "переработал", не включил в свой "контекст" сознание и психологию большинства россиян. Но этот процесс шел, "был на марше", что отразилось и в деятельности III Думы: "Несмотря на первоначальное общее недостаточно доброжелательное отношение нашей нижней палаты к вопросам промышленности и торговли, Государственная дума силою вещей по мере близкого ознакомления с этими вопросами проникается во многих случаях, констатировали современники, принципиальными взглядами торгово-промышленного класса" (43,с.243). В Думе же отразилась и самобытность этого процесса, характер его сочетания с "политикой": "В то время как в западных государствах экономические мотивы служат стимулами для политических выступлений, у нас политические мотивы толкают на экономические выступления" (43,с.243-244). За упущенное время и успехи догоняющей модернизации, за "европеизацию", России приходилось платить высокую "политическую" цену. Можно даже сказать, что время работало на Россию, а Россия работала против себя. Самоубийственная позиция российского общества объясняется его общей политической незрелостью и неискушенностью,- во многом результат чрезвычайно сложного

переплетения политических и социально-экономических отношений в стране: "вчерашнего" строя", еще живого, сильного и "сегодняшнего", еще не окрепшего, и не "самосознавшего" себя в полной мере, капитализма.

И все же "проходной" тезис нашей недавней историографии о том, что Столыпин и III Дума не преуспели, "провалились" в главном, - не успокоили страну, которая совсем приблизилась, подошла вплотную к революции, не в полном ладу с истиной. Едва ли правильна интерпретация гибели Столыпина, лишь ненамного опередившая его политическую смерть, решенную уже, в сущности, отставку и толкование самой этой отставки, как прежде всего следствие неудачи его политики "успокоения" (1, 63, 64 и др.). В действительности и то, что Столыпин стал "политическим трупом" до своей физической смерти, и самая эта смерть - скорее результат его реформ, их продолжения, порождавших недовольство и слева и справа. Отсутствие "успокоения", чем также были недовольны "наверху" и российские пуришкевичи, отнюдь не свидетельствуя о "крахе реформ», "бессилии Думы", имело в "уходе" Столыпина с политической сцены все же второстепенное значение. Правые давно уже имели "зуб" против Столыпина (порой, они даже пренебрежительно говорили о нем, что он "продался жидам" -21,с. 177), именно из-за его реформистских усилий. Наскоки правых на его курс вынуждали Столыпина дважды просить о своей отставке (в 1909 и 1911гг.), с репримандом отклоненной царем главным образом из-за его нелюбви к подобным "парламентским штучкам".

Надо иметь ввиду и то, что III Дума с самого начала не рассматривалась Столыпиным как средство, окончательно ликвидирующее корни революции, - для этого, по его мнению, нужно было значительно больше времени, чем отпущенные Думе 5 лет. В известном интервью, он говорил о необходимости для России двадцатилетнего покоя, чтобы она стала, по сути, другой страной. А III Дума и за отведенный ей срок сделала немало для этого. Важно было, чтобы в последующее время ее преемницы, как писал В.И.Герье, двигались в том же направлении. По расшатанному мосту старой России поезд реформ мог идти только медленным ходом. Ускорение, как и задержка движения, грозило

катастрофой, точно также как и серьезные военно-политические осложнения.

Столыпин понимал это и наряду с воссозданием и укреплением армии, ратовал против любого участия России в военных конфликтах в ближайшие годы. И незадолго до смерти, 28 июля 1911 года, он писал послу России во Франции А.П.Извольскому: "Нам необходим мир; война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели будут непонятны народу, станет фатальной для России и династии. И наоборот, каждый мирный год укрепляет Россию не только с военной и военно-морской, но и с экономической и финансовой точек зрения. Кроме того, и это важнее, Россия растет год от года, развивается самосознание народа и общественное мнение. Нельзя сбрасывать со счетов и наши парламентские установления. Как бы они ни были несовершенны, их влияние тем не менее вызвало радикальные изменения в России, и когда придет время, страна встретит врага с полным осознанием своей ответственности. Россия выстоит и одержит победу только в народной войне" (25, С.80).

Если характеризовать III Думу и "персонально", вне связи с последующими событиями, и в увязке с ними, то ее можно назвать "недостаточной достаточностью". Такое определение уместно, потому что наиболее полно отражает роль и значение III Думы в российской истории. "Достаточной" она была в том смысле, что ее состав и деятельность были достаточны для того, чтобы "отслужит!", не в пример всем остальным Думам, весь срок своих полномочий.

Была достаточно интенсивной и эффективной ее законодательная работа - были приняты многие важные законопроекты, в том числе и аграрные, составив основу реформирования России. В заметный экономический подъем страны в предвоенные годы внесла свою лепту и III Дума. Современники, порой, признавали, что "III и IV Думы сыграли прогрессивную роль в истории России. Некоторые из принятых ими законов самим своим фактом существования содействовали экономическому и культурному буму, переживаемому Россией в последнее десятилетие перед первой мировой войной" (2,5.с.75). Продолжение ее курса в последующих Думах при внешнем и

внутреннем покое России, снимало с "повестки дня" революцию. Так вполне здраво судили не только Столыпин и его сторонники, но и их противники и судят многие современные публицисты. Но все же вся эта совокупная "достаточность" оказалась недостаточной, для того, чтобы именно III Дума сняла с "повестки дня" революцию и притушила революционно-оппозиционное Движение, которое в экстремальных условиях могло выйти из-под контроля, что и произошло во время IV Думы.